

Александр Холлин

ОСКОЛКИ
РУССКОГО ЗЕРКАЛА

Александр Холин

Осколки Русского зеркала

«Автор»

2014

Холин А. В.

Осколки Русского зеркала / А. В. Холин — «Автор», 2014

В этой книге рассматривается история царствования Александра I. Читатель узнает, как царевичу достался трон и как он всю жизнь хотел избавиться от этого трона. К тому же, преподносятся факты, какой внутренний огонь познавал Государь в сражениях, ведь после 1812 года ему пришлось ещё не раз участвовать в битвах. Читателю станут известны криптографические факты сражений, и почему однажды Наполеон сказал, что если бы в его войске были только одни казаки, то власть над миром Франции была бы обеспечена. В книге приведены многие пророчества русских Проповедников, а также некоторые из них, сказанные старцем Серафимом Саровским, и сбывающиеся по сей день. Помимо второй жизни русского императора в романе затронута неумирающая тема библиотеки Ивана Грозного – уникального русского сокровища, которое вроде бы даётся в руки историками тут же ускользает. Уже в наше время парочка журналистов пытается отыскать следы библиотеки и поиски приводят их в многоэтажное подземелье Москвы, до сих пор неизвестное обыкновенному обывателю. Некоторые читатели сочтут этот роман за независимое журналистское расследование.

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Холин

Осколки русского зеркала

историко-криптографический роман

Всякая история – это миф, созданный для того, чтобы придать смысл тем немногим фактам, о которых нам известно. Прошрое представляет собой гипотезу, служащую для того, чтобы объяснить и оправдать настоящее.

Искатель исторической истины

Если бы фантастические догадки и нерадивые предания могли бы быть основаны на положительных данных и перенесены на реальную почву, то установленная этим путём действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы; во всяком случае, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом, основным мотивом которой служило бы искупление.

Н. К. Шильдер

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

На землях ванов, русов, ариев и других народностей издревле с уважением относились к магическим мистериям и обычным молитвам, которые в действительности до сих пор являются путями в Божественное Зазеркалье или параллельный мир. Лишь в первой половине XX века, когда исторический материализм восторжествовал над духовной сущностью Государства Российского, писатели, учёные и даже всяческая околонукальная шпана принялась разделять историю и мистику на две отдельные части. Причём, историю переписывали заново по великодержавному разрешению Лейбы Бронштейна (Троцкого), а мистику вообще объявили ложной оккультной наукой, недостойной внимания молодого материалистического поколения. Но никто из учёных тогда не решился возразить, дескать, история и мистика – это два крыла одной птицы, зачем же их разделять? Куда птичка сможет улететь на одном крыле?

В этой книге любопытный читатель сможет натолкнуться на уже происшедшие, известные, но мало опубликованные факты истории, то есть криптографические данные из жизни императора Всея Руси Александра I. До сих пор некоторые из любопытнейших артефактов не известны почти никому. Почему история в нашей стране намеренно «замалчивается»? Может быть, среднестатистический человек ещё не готов к восприятию некоторых исторических фактов, переплетающихся с мистикой? Или же это замалчивание просто кому-то необходимо?

В нашей стране любой младенец с ранних лет жизни слышал о Рипейских горах, где царствует Хозяйка Медной горы, где находится аномальный Кунгурский треугольник. Кстати сказать, западный Бермудский треугольник перед нашим Кунгурским – как котёнок у ног льва. Но об этом, к сожалению, мало кто знает, потому что в «трудное советское время» все аномальные происшествия немедленно загоняли в тюремную камеру с грифом «Совершенно секретно» и запрещали свидетелям высказывать мысли принародно под страхом репрессий и последующей бессрочной ссылки с запретом на переписку.

Рипейские горы сейчас носят название Уральских. Почему произошла замена изначального названия – неизвестно, да и не стоит заострять внимание на столь незначительном факте. Хотя имя для русичей всегда стояло во главе угла.

Важно другое: Рипейские горы – это и есть тот самый нулевой меридиан, который так долго не могли определить западные учёные. Судите сами, научный центр Гринвич – строение рук человеческих, а Рипейские горы, соединяющие Европу и Азию, существуют на Земле от природы или от Бога, если хотите. Причём, этот тектонический излом известен насельникам планеты с доисторических времён. Ещё древние греки отмечали, что один из богов Аполлон иногда посещает свою родину – Гиперборею, которая лежит за непроходимым Рипейским архипелагом. И хотя на картах ранних греков Рипейские горы изображались растянутыми с запада на восток, но это не такая уж большая неточность.

У каждого человека одним из самых болезненных интересов было возвращение к минувшему. Откуда всё произошло? Кто такие люди по своей сути? Где та движущая сила, управляющая миром? И человек лишь потом задавался вопросом: «Что будет?».

Итак, что же было со всеми нами? Одни пытаются уверить, что человек-де произошёл от обезьяны. Но переходный момент между австралопитеком и неандертальцем так и не обнаружен. Тем более что таких случаев в природе никогда не наблюдалось. Любой вид животного не может так вот запросто перейти в иной, наиболее умный или же наоборот – деградирующий.

С другой стороны очень многие пытаются ниспровергнуть тезис, что всё наше «здоровое мышление» сотворено Всевышним.

Дескать, зачем Всевышнему надо было всё это? Вопрос логичен, с точки зрения человека. Но и ответ напрашивается соответствующий: затем, хотя бы, что душа наша, то есть Божественное начало, наш мистический огонь, может развиваться и пребывать только в физическом теле.

Кроме этого Господь каждому человеку подкидывает испытания и смотрит, как сотворённое Им создание справляется с разными жизненными рогатками. Ведь если человек не ломается, не гнётся, не ищет виноватых в своих грехах «стрелочников», глупых оправданий и увёрток, значит, он действительно дитя Божье.

В этой книге рассматривается история царствования Александра I. Читатель узнает, как царевичу достался трон и как он всю жизнь хотел избавиться от этого трона. Более того, любознательные смогут понять структуру огня и воды – две основных ипостаси структуры человека. Познай себя – познаешь Бога, как говорили древние мудрецы.

В книге приведены многие пророчества русских Проповедников, а также некоторые из них, сказанные старцем Серафимом Саровским, сбывающиеся по сей день. Естественно, что многие пророчества забывались с уходом из этой жизни людей, которым были сказаны. Но Всевышний посылал преподобному старцу Серафиму таких людей, которые могли донести до потомков довольно важные пророчества, касающиеся всех насельников этой планеты.

Конечно, преподобный Серафим Саровский видел будущее в мельчайших подробностях гораздо лучше, чем мы своё недавнее прошлое, но это не значит, что люди, которым старец передавал свои учения, понимали их также хорошо, как он сам. Да и как понять пророчества, которые по времени превосходят все мыслимые пределы многих поколений людей?! И всё же слова старца достигли наших дней и некоторые из пророчеств с Божьей помощью попались в мои руки с тем, чтобы я мог поделиться ими со своим современником.

Некоторые читатели сочтут этот роман за независимое журналистское расследование. Что ж, отказываться от такого определения было бы глупо, поскольку автором взяты действительные артефакты государственных расследований, но по какому-то или чьему-то хотению утонувшие в суетне и рутине, а потом не востребованные за давностью.

Итак, предлагаю погулять по криптографической истории Государства Российского. Вернее, по некоторым страницам жизни известных русских деятелей.

Глава 1

Где-то под стрехой великолепного архитектурного искусства раздавались звуки необыкновенного речитатива голубей, которые проникали на чердак сквозь широкие добротные дымоходы. Если бы печник или трубочист в это время опустился ниже, то сразу бы понял, что звуки выровнялись и превратились в обычные человеческие голоса, разносящимся по богатой зале помпезного дворца. Зала действительно привлекла бы внимание стороннего наблюдателя уставленной вдоль стен красивой мебелью и украшенной двумя большими картинами. Посреди залы, чуть ближе к одной из стен с окном, выходящим в лесопарк, стояла широченная кровать под балдахином, на которой возлежал мужчина в шёлковой ночной сорочке и смешном спальном колпачке на голове. Возле ложа стоял, услужливо склонив голову, человек в чёрном сюртуке, застёгнутом наглухо. Единственным украшением его траурной одежды был золотой ключ с имперским двуглавым орлом, висевший на голубой ленте и прикрепленный к сюртуку с левой стороны, ближе к сердцу. Такой ключ имели право носить со времён Петра Первого только царские камергеры. Царицы Елизавета и Екатерина Великая строго придерживались этого обычая. А вот при Александре Благословенном должность камергера царского двора резко сократилась и считалась чуть ли не номинальной.

Лежавший в постели вёл негромкую беседу с одетым в сюртук услужливым господином. Тот кивал в знак согласия, потом раскрыл папку с бумагами, которую держал подмышкой, подошёл к стоявшему недалеко от постели письменному пюпитру, снял с чернильницы массивную бронзовую крышку, увенчанную крохотной фигуркой крылатого ангела, обмакнул в чернильницу отточенное гусиное перо и приготовился записывать.

– Ах, нет! Не надо писать! – вскричал лежавший в постели. – От скрипа пера у меня появляется мигрень. Я и так эту ночь провёл дурно. Ещё намерен я просить тебя узнать, что случилось с гвардейцем, которого прозвали Александром Вторым? Неужели мои просьбы для тебя ничего не значат?

– Что вы, Ваше Величество, очень даже значат, – снова склонил голову закованный в сюртук. – Ваши приказания не могут не выполняться, особенно мною. Дело в том...

– Ах, отвечай же! – раздражённо прикрикнул лежавший.

– ...дело в том, – невозмутимо продолжал сюртучный господин, – что... Ага! Его фамилия Струменский, левофланговый унтер-офицер третьей роты Семёновского полка. Этого гвардейца схватили вместе с бунтовщиками-семёновцами, затем препроводили в гарнизон, к которому он приписан. Сегодня ему грозит битие шпицрутенами при прогоне через строй. Говорят, что он ни в чём не виноват. Виноват лишь в похожести на императора.

– Не твоё дело судить о виновности! – одёрнул словоохотливого камергера лежащий в постели. – Твоё – вовремя сообщать мне о происходящих переменах! На то ты и камергер. Более того, постельничий! Казнь ещё не состоялась?

– Никак нет, Ваше Величество. Барабанный бой перед началом казни будет слышен отсюда.

– Да, это воистину *le derniser coup*.¹ Поддай мне платье, – нетерпеливо произнёс император. – Да не перепутай. Мне нужны сюртук «инкогнито», как у тебя, и гражданская шинель тёмно-синего цвета. Не хочу, чтобы кто-нибудь из подданных меня узнал!

– Всё уже приготовлено, Ваше Величество, – торжествующе улыбнулся камергер. – Конец августа на удивление холодный, но я, по своему недалёкому разумению, подумал, что вы решитесь-таки взглянуть на казнь бунтовщиков. К тому же Струменский, в отличие от других смутьянов, не вызывает никакого подозрения.

---

¹ *Le derniser coup* (франц.) – последний заход.

– Я тебя, Фёдор Кузьмич, держу в камергерах вовсе не для досужего обсуждения солдатской смуты. Мой батюшка знал, как справляться со смутьянами.

– В вашей дальновидности никто не сомневается, – согласился камергер. – Тем более, в одном государстве два императора – это слишком! Один из них выглядят как *un vrai epouvanteil*.²

– Ах, *mon ami*, nous etions senses,³ что выйдет такая казуистика, – досадливо поморщился император. – Но ты прав, двух одинаковых государей не должно быть. А государство – это не балаган. Именно такую казуистику хотят сделать с Россией господа Новиков,⁴ Пален⁵ и иже с ними. Много лет назад я поддался на масонскую уловку о державных новшествах. Отец мой тоже попал в их сети, даже стал гроссмейстером тринадцатого градуса. Это и помогло владыке взглянуть на врагов отечества с другой стороны. Он принялся укорачивать им длинные руки, за что и поплатился жизнью. Но я, Фёдор Кузьмич, я прельстился на постылые речи! И вот я тот, кем стал, – священномученник Химеры!

– Будет, Ваше Величество, будет! – пытался успокоить императора камергер. – Вы стали мощным оплотом сопротивления вольтерианской Франции тринадцать лет назад, и никакое масонское оружие не смогло сломить сильную и могучую державу.

– Ах, Фёдор Кузьмич, зови лакеев. Одеваться хочу! Пора пожаловать на место расправы! – император откинул атласное одеяло и сел на кровати. – Никогда не смотрел на казни, но сегодня я должен побывать там! Не знаю, что меня влечёт, но я должен!

– Знамо дело, что влечёт, – усмехнулся Фёдор Кузьмич. – Всего лишь тянет посмотреть в глаза агнцу, приносимого в жертву.

– Нишкни, холоп! – прикрикнул на камергера император. – Его жизнь нужна для благополучия Государства Российского. Неужели ты не сообразил этого?!

– Ага, сообразил, – ласково улыбнулся камергер. – Но особое соображение постигло меня третьего дня, когда пришлось убирать царскую постель после преставившейся в ваших объятиях девицы Настасьи.

– Настасья – *oh, c'est toute une histoire*,⁶ – досадливо отмахнулся император. – Она была такой чувственной красавицей и такой супротивницей, что я еле совладал с ней. И даже после она мне чуть ухо не откусила! Как же её было не наказывать?! Ну да ладно, я тебе после всё растолкую. Следует сделать так, чтобы царица Елизавета Алексеевна ничто не прознала. Уж такой грех мне будет непростителен, а она больна и не стоит волновать больного человека. Вели же меня одевать!

– Как прикажете, Ваше Величество, – поклонился камергер.

Он дёрнул шёлковый шнурок возле царского ложа, и где-то далеко в глубине покоев раздался еле слышный звон колокольчика. Вскоре в спальную залу лакеи внесли приготовленный накануне Фёдором Кузьмичом синий фрак и редингот. Эту гражданскую одежду император любил одевать по утрам, отправляясь на прогулку. Слуги принялись облачать императора с обычной деловой сноровкой. Освободившись из рук лакеев, владыка тут же поспешил к зеркалу, где цирюльник припудрил ему щёки и выполнил несколько косметических мазков. Его величество нетерпеливо отмахнулся от цирюльника и снова обратился к камергеру:

– *Ou est ma tabatiere?*⁷

---

² *Un vrai epouvanteil* (франц.) – настоящее чучело.

³ *Mon ami, nous etions senses* (франц.) – мой дорогой, мы не предполагали.

⁴ Новиков Н. И. (1744–1818) – просветитель, писатель, журналист. В 1770-х гг. примкнул к масонам. По приказу императрицы Екатерины II был заключён в Шлиссельбургскую крепость.

⁵ Пален П. А. (1745–1826) – граф, русский военный деятель, соучастник убийства Павла I.

⁶ *Oh, c'est toute une histoire* (франц.) – это целая история.

⁷ *Ou est ma tabatiere* (франц.) – где моя табакерка?

Как обычно вы оставили её в малой гостиной на ломберном столике, Ваше Величество, – невозмутимость камергера была той необходимостью, которая только с годами безупречного служения императору усваивается слугами. Камергер запустил руку в глубокий карман своего сюртука и предъявил Государю требуемую вещь.

Император подхватил табакерку и пошёл вон из дворца по лестнице чёрного хода. Он всегда выходил через этот подъезд, если шёл в Петербург гулять инкогнито. На этот раз императора подгоняло какое-то нездоровое любопытство, граничащее со страстью самому лицезреть происходящее. На площади, где должна была состояться экзекуция, присутствовало не слишком много разночинного народа, но среди них можно было спокойно затеряться и не беспокоиться особо, что вдруг кто-нибудь из подданных узнает императора в лицо. Такие вещи считались обыденными, и все старательно соблюдали инкогнито его светлости.

Нынче же императора влекло сюда другое: сегодня сквозь строй должны были прогнать его двойника – унтер-офицера Струменского. Скорее всего, солдата ожидала мучительная смерть. Но жизнь служивого необходима была Отечеству, точнее, оставшемуся в живых двойнику. Зачем? Вот в этом Александр до сих пор боялся признаться даже самому себе. За двадцать четыре года царствования он много натворил нелицеприятностей, да не в этом суть. Главное – стремление покаяться в великих грехах перед Отечеством, а для этого необходимо было принести в жертву ещё одного человека.

Император поступал сейчас, как праотец Авраам. Когда Господь потребовал принести в жертву сына, Авраам, ничуть не колеблясь, возложил на алтарь любимого мальчика и готов уже был нанести жертвенный удар, но тогда Господь удержал его руку...

Может, император сейчас тоже надеялся, что Всевышний удержит руки экзекуторов, и шпицрутены не разорвут кожу на теле не слишком молодого лысовато-красивого унтер-офицера? Однако он просчитался. Ибо Господь никогда не встревает в те дела, что идут не от Его имени. И Струменскому суждено было быть избитым до полусмерти своими же сослуживцами.

Император прибавил шагу, поскольку раздалась барабанная дробь и заиграла флейта. Казнь началась. Но Струменский, по счастью, оказался не в первых рядах подлежащих истязанию и, следовательно, «дождался» своего тайного зрителя. По пояс обнажённый, разутый и путами, стягивающими руки, привязанный к штыку, унтер-офицер покорно подходил к строю солдат. Перед этим экзекуцию прошли уже несколько человек, и от пролитой ими крови на холодные отшлифованные булыжники площади свежий предосенний воздух последнего дня августа наполнился горьковато-сладким запахом России. Видимо, всегда этой стране суждено омыwać свои дни кровью убитых и убиваемых.

В юные годы, когда Александр был ещё беззаботным царевичем, эта же площадь познакомилась с казнью Емельяна Пугачёва, которого сумел покорить только генералиссимус Суворов. Сам Александр Васильевич тогда очень сожалел об этой своей нелицеприятной победе. И когда все вокруг радовались, он в ответ на поздравления лишь горько усмехался.

– Если б время можно было повернуть вспять, – говорил он, – и если бы можно было нарушить армейскую клятву, то ни матушка Екатерина, ни православная Россия никогда бы не увидели моего нынешнего позора.

Вскоре после того случая генералиссимус в спешном порядке ушёл в отставку, но юный Александр не мог понять тогда – в чём вина полководца? Почему он чувствовал себя обескураженным, словно обязанным выполнять приказания, противоречившие чести и достоинству русского офицера?! При дворе, конечно, носились слухи, что бунт Пугачёва – не бравада ушкуйников,⁸ а настоящая гражданская война. Что противники российского трона не отбившиеся от рук казаки и не беглецы с каторги, а хорошо обученные воинскому искусству служилые люди, в числе которых имелось достаточно много дворян. Генералиссимусу Суворову не

⁸ Ушкуйники (сленг) – разбойники на лодках.

составило большого труда разбить войсковые части противника, но когда он узнал, кого победил по указу Екатерины Великой, то сильно закручинился, елико сам давно уже был не согласен с внутривполитическими амбициями императрицы. Значит он, слушаясь царского приказа, приговорил к смерти тех, кому давно уже сочувствовал.

А вот сей час, когда избиваемого шпицрутенами Струменского вели через строй, когда обнажённое тело солдата лопалось под ударами, и кровь обильно поливала булыжную мостовую, Александр вдруг понял, что Суворов был трижды прав и что над бедным унтер-офицером совершается тяжчайшее преступление. Причём инициированное им самим, императором Александром I, Государём всея Руси. Оказывается, Закон Божий «Не убий!» нельзя оправдать никакими доводами, объяснениями и необходимостью. Убийство так и останется убийством, с какой стороны ни посмотри.

Но самым тяжким и несмываемым преступлением на совести императора было убийство отца. Это мучило Александра всю сознательную жизнь. И он до боли в душе понял, что повторяет то же преступление, только уже не чужими, а собственными руками. Всё было так ощутимо, что государь почувствовал боль в спине, будто получал удары вместе с наказуемым. Видимо, недаром придворные астрологи утверждают, что двойники при жизни могут испытывать одинаковые чувства, особенно острую физическую боль и моральную утрату.

Александр близоруко прищурился. Потом, чтобы повнимательней рассмотреть истязуемого, он достал лорнет и принялся пристально разглядывать экзекуцию. Но уже через несколько минут заметил, что место вокруг него освободилось – пришедшие поглазеть горожане узнали двойника истязуемого и шарахнулись от императора, как черти от ладана. Такое отношение к собственной персоне государь видел впервые в жизни, что повлекло за собой ещё большую депрессию, плотоядно пожиравшую сознание.

Император растерянно осмотрелся и, испугавшись подступавшего к нему одиночества прямо посреди шумной толпы, повернулся и быстро зашагал прочь.

Однако барабаны, сопровождаемые звуками флейт, не утихали, значит, казнь продолжалась. Государь вдруг понял, что надо хотя бы посочувствовать солдату, не подозревавшему, что незаслуженное битие совершается по приказу самого императора.

– Если я признаю, что так должно быть, что это нормально, – твердил вслух Александр, шагая широким шагом к дворцовым апартаментам, – если я с этим соглашусь, то должен буду признать также, что вся моя жизнь, все мои дела и даже победа над Францией – всё дурно! Мне давно уже было откровение: надо выполнить то, что давно уже хотел сделать несмотря ни на что! Я должен уйти, исчезнуть, всё бросить, не сожалея о том...

Только где, в каком храме к императору приходило откровение, он так и не мог вспомнить, потому что, мучаясь своими сомнениями, неоднократно бывал в храмах разных конфессий. Александр часто молился Богу то с патриархом Фотием в православном Ильинском соборе, то с протестантом Парротом, то с католическим епископом Кампанеллой, то с иллюминатом Крюднером. Ходил ли он тогда в храмы различных конфессий с чистой совестью? Но, даже молясь Богу, император старался показать подданным, что он молится, совершает разговор с Богом. Значит, молился он вовсе не Богу, а просто хотел показаться подданным в роли набожного и праведного государя.

– Пора настала уезжать в Ярославль и записываться лицедеем в театр Волкова, – недовольно проворчал Александр, вспоминая свою религиозную экзальтацию.

И снова скрывшегося с места казни царя догнала крамольная мысль, что такие экзекуции – бесчеловечны, что так не должно быть! Но тут же, где-то в глубине сознания, поднимался афронт: мол, всё совершается по уставу, и никуда не денешься от печальной необходимости. Более того, Александру ничуть не жаль было избиваемого унтер-офицера, и, вместо того чтобы остановить казнь, он испугался быть узнанным, потому и спешно ретировался с места преступления. Преступления?!

Вернувшись в собственные покои, император выпил утренний чай, попутно приняв князя Волконского и барона Дибича, которые подробно принялись освещать добытые и уже проверенные сведения о собраниях тайного общества. Знать, масонство вновь поднимает голову, и он сталкивается с выбором: либо подчиниться масонской лести, как это было с батюшкой, либо окончательно раздавить масонских червей, умело и нахально проникавших в сферу управления Государством Российским. Батюшка, император Павел I, поняв, к чему могут привести опасные замашки властолюбивого масонства, немедленно принялся избавляться от проникновения болезнетворных течений на территорию России, за что и поплатился жизнью.

Снова Государю вспомнился не единожды мучивший его сон, будто он сам, царственный наследник, присутствовал при последних минутах жизни батюшки. В опочивальню ворвались: петербургский генерал-губернатор Пален, братья Платон, Николай и Валериан Зубовы, генерал Бенингсен и командир Преображенского полка генерал Талызин. Комната оказалась пуста, но вскоре Государя нашли, прятавшегося за занавеской. Несколькими дерзкими ударами царя свалили на пол. В ногах у смутьянов лежал поверженный император, и каждый из заговорщиков пинал Государя с таким остервенением и удовольствием, будто пред ним была тряпичная кукла. А Пален во всеуслышание беспрестанно повторял: «*Rappelezvous, messieurs, que pour manger d'une omelette, il faut commencer par casser les oeufs*».⁹

Это и пытались исполнить заговорщики, кто во что горазд. Многих из них цесаревич видел в ту же ночь в Михайловском замке, но сначала не придавал значения шумихе, ведь они обещали неприкосновенность Государя, а в те годы Александр часто верил людям на слово. Он рос совсем не ведавшим, что такое ложь и правда. Цесаревич слишком поздно понял, что жизнь страшна и непредсказуема, когда матушка, вдовствующая царица Мария Фёдоровна, бросила ему в лицо:

– Радуйтесь, Александр, вы добились того, что стали императором. *Votre ambition est satisfaite?*¹⁰

Упрёк был очевиден. Александр никогда не ругался с матерью. Более того, он даже любил её, но эти слова отпечатались на всех дальнейших делах нового императора.

Вот тогда-то к нему во сне явился претерпевший муки отец в монашеском подряснике, но с посохом епископа, и поведал, что пойдёт по русским городам и весям, поскольку за четыре года своего царствования не успел это сделать, а вот теперь в самый раз. Александр проснулся в холодном поту и целый день не мог найти покоя. Он отправился в какой-то храм, долго молился и слышал голос отца, повторивший, что надо отправляться странствовать по России и отмаливать накопленные грехи. Недаром калики-перехожие почитаются на Руси до сих пор.

Это был уже не сон. Но император никак не мог вспомнить церковь, в которой его посетило первое откровение.

На всякий случай он заказал своим портным настоящий монашеский подрясник, который теперь висел у него в гардеробной. Александр даже не примерил новую одежду, так как камергер Фёдор Кузьмич дерзнул посмеяться над монашеским нарядом:

– Что вы, ваше величество, разве так можно?! – не в шутку ужаснулся камергер.

– Чем тебе не нравится православный подрясник? – нахмурился государь. – Может быть, сам сошьёшь?

– Да нет, Ваше Величество, – замотал головой Фёдор Кузьмич, – сшито отменно, ничего не скажешь, с двойным прихватом и подстёжкой. Но в каких Палестинах вы видели монахов в батистовых подрясниках? Люди Божьи, верно, даже слыхом не слыхивали о такой персидской

⁹ *Rappelezvous, messieurs, que pour manger d'une omelette, il faut commencer par casser les oeufs* (франц.) – Помните, господа, что для того, чтобы съесть яичницу, надо, прежде всего, разбить яйца.

¹⁰ *Votre ambition est satisfaite?* (франц.) – ваше честолюбие удовлетворено?

материи. Представьте, идёт по Руси калика-перехожий, кусок хлеба выпрашивает, на ночлег к кому-нибудь просится, а у самого подрясник, как кафтан боярский, разве что золотом не шит?! Да за такой подрясник нищий калика может целую деревню себе купить!

– Ну, хватит, хватит, – одёрнул Фёдора Кузьмича император. – Распорядись, чтобы сию одежду в гардеробную отнесли.

На том бы всё и кончилось, только впереди была война с французами. После безоговорочной победы французов на Бородинском поле император уже всерьёз мыслил для себя Томский острог, или какой подале. Но за Русь вступилась сама Богородица. Государю доложили, что Царица Небесная явилась перед Бунапартием и повелела убираться вон из Москвы, не то, мол, худо будет.

В рассказни эти слабо верилось, тем более, что сообщали их те же монахи, прибывшие из Москвы. Но французский император действительно кинулся вон из Златоглавой. Более того, не взорвал даже Кремль, о чём хвастался когда-то перед пани Валевской. Факты – вещь упрямая, против этого ничего не скажешь. И тогда он опять услышал голос отца.

– Будет тебе царствовать, сын мой, пора Богу послужить... Я тебя прощаю, несмышлёныша, токмо не замай родину, не разрушай державу...

Голос батюшки Александр хорошо помнил и никогда не спутал бы его ни с каким другим. Это произошло ночью в спальне императора, и вокруг не было ни души. Лишь из коридора доносились размеренные шаги смены караула. Император лежал на постели, боясь пошевелиться. Сознание говорило ему, что так не может быть, что всё только кажется. Но сердцем Александр чувствовал присутствие батюшки, переживающего за сына и за державу Российскую даже находясь в другой жизни.

В этот раз Александр всё же примерил сшитый царскими портными монашеский подрясник. Одежда оказалась впору, и выглядел в ней император иначе. Но рутина обыденности опять отвлекла государя от решительного поступка. Да и как на него решиться? Царь не может бросить всё и уйти ни по своей, ни по чужой воле. Но сейчас Александру был зов в третий раз. Зовом пренебрегать нельзя, с такими вещами не шутят. И как некстати подвернулся двойник! Значит, отступление невозможно!

Струменский не знал, почему Господь даровал ему такую же личину, как у нынешнего императора. Никто из предков не был даже дальним родственником Романовых, но вот, поди ж ты! – как две капли воды унтер-офицер походил на своего императора.

В третьей роте Семёновского полка всё началось с карт. Вахтенные сквозь пальцы смотрели на безвинные карточные развлечения. Надо же было поручику Чижевскому подкинуть на карточный стол необыкновенное яблочко раздора:

– Я ставлю тысячу рублей «царской Катеньки», что Струменский скоро сменит нашего императора!

Сам унтер-офицер и слова сказать не успел, как его разыграли и принялись повышать ставки. Такую игру надо было прекращать. Но заядлые игроки не захотели отступаться, и безобидная игра превратилась в потасовку. Зачинщиков конечно же, арестовали. Струменский попытался бежать, но был схвачен. Во всём, конечно же, оказался виноват сам Струменский, то есть без вины виноватого должны были протащить сквозь строй и избить шпицрутенами, чтоб другим неповадно было.

После обеда Александр удалился в кабинет, но работать не стал. Голова Государя закружилась, он прилёг на кожаный диван и тут же провалился в сон. Однако это был отнюдь не сон, а какая-то галлюцинация.

Александр вновь увидел себя на площади, где совершалась казнь. Снова противно ныли флейты и били барабаны. Но в этот раз сквозь строй прогоняли самого императора. Александр

вновь почувствовал удары шпицрутенами, настоящие, рассекавшие кожу на спине и заставлявшие орать от боли. Солдат, прогонявший через строй приговорённого Государя, оглянулся, и Александр с ужасом узнал Струменского. Глаза унтер-офицера были навывкате, рот перекошен злобной улыбкой, и с губ капала густая бело-розовая пена, как у загнанного рысака. Из его рта в лицо императору вылетел хрип, более похожий на плевок:

– Ты – человек! Тебе выбирать свой путь! Токмо не вздумай назад оглянуться!

Император вскрикнул и очнулся. Его охватил болезненный озноб, потому что видения, посылаемые Свыше, с каждым разом становились всё явственней, чувствительней и доподлинно передавали чувство реальности.

Александр несколько минут просидел на диване без движения, не в силах стряхнуть реальность привидевшейся казни. Потом резко встал, застегнул сюртук наглухо, кликнул секретаря и оповестил его, что пойдёт гулять.

Император прекрасно знал, где находится военный госпиталь, и вскоре без доклада вошёл в приёмную. Как всегда, медбратия забегала, засуетилась. И сей секунд явились запыхавшийся генеральный директор и начальник штаба.

Государь приветливо им улыбнулся и сказал, что желает пройти по палатам.

Во второй палате он увидел того, ради кого пожаловал сюда. В углу, возле уже законопаченного на зиму окна, лежал на кровати ничком унтер-офицер Струменский, повернувшись к лицу стене и свесив руки до полу, но Государь сразу признал его по плешивой голове.

Видя, что император обратил внимание именно на этого больного, кто-то из больничных тут же подсказал:

– Это беглец из Семёновского полка. Наказан сегодня утром, но плох. Просил прислать священника для исповеди. Возможно, не протянет и месяца.

– А, – кивнул государь, одобряя полученное солдатом наказание, и прошёл дальше.

Вернувшись во дворец, Александр сказался нездоровым, опять закрылся у себя в кабинете и долго не показывался. Потом, ближе к ужину, послал за Фёдором Кузьмичом. Тот не замедлил явиться, хотя недоумевал, к чему понадобился Государю в неурочное время.

Войдя в кабинет, Фёдор Кузьмич увидел царя за письменным столом. Работал Государь много, поскольку тут же на столе лежала стопка уже исписанной бумаги.

– Проходи, Фёдор Кузьмич, садись, – кивнул император на кресло. – Ты знаешь, сегодня утром барон Дибич опять докладывал мне о заговоре во Второй армии, заодно напомнив, что об этом уже имел честь сообщить граф Вирт, а также, что имеются донесения унтер-офицера Шервуда.

– Этот заговор уже вовсе не секрет, ваше величество, – хмыкнул Фёдор Кузьмич. – Давно пора бы призвать шельмецов к ответу, а дворян, слушающих великоречие масонов, сослать на вечное поселение в сибирские остроги, как делал ваш батюшка. Очень жаль, что после его кончины вы вернули многих тех, кому не место не только в Петербурге, а вообще в Европе. Пока вольнодумцы и смутьяны будоражат стадо, не слушая пастуха, покоя в России не будет.

– Это всё понятно, – поморщился Государь. – Однако я, слушая доклад Дибича, приписывающего необоснованную важность замыслам заговора, понял, что он никогда не осознает значение и силу переворота, который уже давно зреет во мне и который завершился сегодня с казнью Струменского.

– Забили насмерть? – ужаснулся камергер.

– Нет, он жив ещё, – мотнул головой Государь. – Жив ещё, но очень плох. Говорят, не протянет и месяца.

– У каждого из нас своя судьба, – философски заметил Фёдор Кузьмич. – Знать, «Александр Второй» уже не будет наводить на вас тень своей похожестью. Сколько он протянет – одному Богу известно.

– Ах, я не о том, – досадливо перебил камергера Государь. – Они делают заговор, чтобы на свой лад изменить образ государственного правления, ввести конституцию, свободу слова и ещё несколько законов. Как раз то самое, чего я добивался двадцать лет назад!

– *Quell horreur*,¹¹ – ехидно улынулся Фёдор Кузьмич.

Александр, не обратив внимания на афронт камергера, запальчиво продолжил:

– Причём я уже готовил конституцию для Европы. И что? Кому от этого стало хоть немного лучше, скажи на милость?! Ещё тогда я задумался над вопросом: кто я такой, чтобы создавать законы для разных народов, разных укладов жизни, разных верований и конфессий? Ни единой стране, ни единому человеку это пользы не принесло. И тогда меня постигло понимание внешней жизни: не родился ещё тот человек, да и вряд ли это возможно, который будет в состоянии понимать интересы народов всей земли. Дай Бог понять себя самого, понять смысл своей жизни, а не переустраивать жизнь различных народов. Истинное дело каждого человека – это только он сам! Сумеешь исправить себя – поможешь исправлению ближнего.

И вдруг моё прежнее желание отречения от престола – с общенародной рисовкой, с желанием удивить, даже опечалить людей, показать всему миру величие моей души – оказались такими мелочными и не заслуживающими внимания, что мне стало стыдно. Но важно другое! Это желание вернулось ко мне вновь! Сегодня я понял, что должен изменить жизнь не для показухи, а лично для себя. Глядя на казнь Струменского, я окончательно уверился, что пройденный мною этап светской жизни, блестящие взлёты и огорчительные падения остались в прошлом. Всё это было мне нужно лишь для того, чтобы вновь вернуться к тому юношескому порыву, вызванному искренним покаянием, желанием уйти от мишурного блеска и помпезности. Но уйти, чтобы не быть камнем преткновения для людей, чтобы не иметь мыслей о славе людской, уйти для себя, для Бога! И в этом мне поможет унтер-офицер Семёновского полка!

– Не знаю, что и сказать, Ваше Величество, – смутился Фёдор Кузьмич.

– А ничего и не говори, – оборвал его император. – В юности это были неясные желания. Теперь же я понял, что не смогу продолжать жизнь, отпущенную мне, и не должен выполнять ту миссию, которая лежит на мне, ибо возмущение в народе есть оценка нелицеприятного царствования.

– Но как вы такое осуществите?

– Уход от власти? – переспросил император. – Уходить надо, не удивляя людей, не ища восхвалений или жалости, так, чтобы никто не знал и чтобы не страдать за причинённые тобою беды родственникам и подданным. Уходя – уходи! Эта мысль так обрадовала меня, что я много раньше стал думать о приведении её в исполнение. А тут подвернулся мой двойник. Как солдат, он рад жизнь отдать за царя и отечество, а как человек, может быть, и простит меня, когда мы встретимся у той неприметной черты, где всякий скован безволием. Знаешь, Фёдор Кузьмич, исполнение моего желания оказалось более лёгким, чем я ожидал. И поможешь мне в этом ты.

– Я?! – поперхнулся камергер. – Помилосердствуйте, Ваше Величество!

– Слышать ничего не желаю, – отрезал император. – Всё равно я это сделаю, так что тебе лучше оказать мне посильную поддержку, нежели ставить палки в колёса. А намерение у меня такое: я уже сказался сегодня нездоровым. Утром день тезоименитства брата Николая. На службу в церковь я не пойду. Вместо этого отбуду в Таганрог на лечение в сопровождении князя Волконского, барона Дибича, ну и, конечно же, ты составишь мне компанию. Не знаю, Елизавета Алексеевна готова ли сей час отправляться из столицы, но тогда прибудет в конце сентября. Ей необходимо лечение.

– Почему именно в Таганрог? – удивился Фёдор Кузьмич.

– Потому что там объявился какой-то сильный маг-целитель, которого даже православные батюшки признают.

---

¹¹ *Quell horreur* (франц.) – какой ужас.

– Ну и что?

– А то, – голос императора принял жёсткость, как при отдаче приказов. – Елизавета Алексеевна должна поправить здоровье. А мой экипаж, не доезжая до Таганрога, перевернётся и свалится в ров, потому что кони понесут. Естественно, я погибну. Тело моё доставят в цинковом гробу прямо в военный госпиталь, где к тому времени уже скончается Струменский. Через неделю это случится или через месяц – роли не играет. Мы подождём. Но поелику он похож на меня, труп надо положить во гроб и совершить Государю всея Руси заупокойное отпевание с погребением в царской усыпальнице Александровского собора. Всё это поможешь мне сделать ты, Фёдор Кузьмич. Это моя последняя воля, так что возражения не принимаются.

– А куда ж вы, Государь? – жалобно пискнул камергер.

Растерянная физиономия Фёдора Кузьмича вызвала на лице императора весёлую улыбку:

– Я, друг мой, пойду каликой-перехожим по нашей России-матушке, как призывает меня отец, – Государь даже поднял вверх указательный палец. – Поживу сначала в Крыму. Потом, когда всё утихнет, пойду, скажем, под именем странствующего монаха Фёдора Кузьмича в обитель пророка Серафима Саровского и пребуду у него в послушниках. По-моему, придумано неплохо. Вот только без твоей помощи не обойтись.

– Не могу я, your lordship,¹² – возопил камергер. – Я, родился казаком и сам за вас жизни не жалел. Вы за заслуги мои возвысили меня до чина камергера, равнодействующим генеральскому званию, а сейчас... Что хотите делайте, а не сумею народ обмануть!

– Сумеешь, Фёдор Кузьмич, сумеешь, – уверенно подчеркнул император. – Тогда и заговорщикам меня умертвить не удастся, и брат мой Константин... нет, я хотел сказать Николай, взойдя на престол, сможет им хвосты накрутить! Так что это отнюдь не сумасбродное желание капризного самодержца, а слово и дело во имя исцеления Государства Российского. Поэтому, ежели тебе дорога Россия, то делай, как велено. А мне... мне Бог поможет...

– А не лучше ли будет, Государь, – робко предложил камергер, – дожидаться смерти Струменского, никуда не выезжая? Потом подкупить врачей, и они привезут в ванне ночью тело унтер-офицера, и мы его подменим прямо здесь, в ваших покоях.

– Э-э, нет, господин хороший, – поморщился Александр. – Мне даже откровение было – оттуда! – Он снова поднял указательный палец вверх и остро взглянул на камергера: – Понимаешь, если тело моё привезут в военный госпиталь в закрытом гробу, то никто особо просить не будет о вскрытии крышки, разве что императрица. Моя матушка Мария Фёдоровна сразу доставленный гроб вскрывать не прикажет. А Елизавета Алексеевна сама сейчас больна чахоткой и ей не до того. Впрочем, она со мной в Таганрог поедет, но позже. А если ухаживать за телом слуги будут здесь, в моей опочивальне, то соберётся чуть ли не весь двор, включая низших лакеев. Кто-нибудь да заметит раны от шпицрутенгов на спине. Мало ли что! Так что, с Божьей помощью, поездка моя состоится. Ты же проследишь, чтобы тело преставившегося Струменского держали на льду. А меня, думаю, доставят в Петербург к тому времени, когда Господь повелит. Так что, Фёдор Кузьмич, выручай. Надежда только на тебя, потому как я давно уже не верю даже Преображенцам и Семёновцам, памятуя о смерти моего батюшки. Но в Евангелии сказано, что если двое собрались во Имя Господа нашего, там и Бог между ними.

– Так ведь это же о брачном союзе сказано, ваше величество!

– У нас тоже союз, – возразил Государь. – Только дела наши послужат спасению державы от смут. Ну, с Богом...

Вскоре, после недолгих приготовлений к поездке в Таганрог, Государь забылся сном, и ему привиделось, что из Петербурга ведут две дороги. По обеим шёл он сам. Только по одной в сопровождении толпы лакеев, слуг и почитателей, а по другой – в монашеском подряснике, с котомкой за плечами и длинным посохом в руке, украшенным медным набалдашником с

---

¹² Your lordship (англ.) – ваша светлость.

крестом. Даже во сне Александр, не колеблясь, выбрал вторую дорогу – коль выпало нести крест свой в странствиях, так от этого никуда не денешься.

Глава 2

Давид шёл сонной Москвой никуда не спеша и не слишком глядя по какой улице сейчас идёт. Незапланированные прогулки давно уже были для него особым допингом. Радовало ещё, что ночная Москва вроде бы утихомирилась и в людных местах давно уже не вспыхивали никакие разборки за передел «крыш», а лицам кавказской национальности, заполонившим столицу, неожиданно укоротили руки начальствующие органы новой полиции. Хотя какая она, к лешему, новая?! Государственное коммунистическое правительство в 90-х годах прошлого века старым казачьим способом сменило свои таблички на «демократов», а теперь и менты превратились в пентов или в понтов, только и всего. Но небольшая встряска исполнительных органов не прошла незамеченной.

Несколько журналистов, друзей Давида, докопались до умопомрачительных незарегистрированных «заработках» высшего офицерского состава бывшей милиции. Генералов, конечно, не посадили, но штат государственных прихлебателей уменьшился. Сам Давид работал редактором довольно известной в России и на Западе газеты «Совершенно секретно», поэтому относился серьёзно даже к малым победам над мародёрствующим населением Кремля и русского Белого Дома.

Парень свернул за угол и отметил, что оказался на Сретенке. Он шёл как раз в сторону Лубянского саркофага.

– Это символично! – пробормотал Давид.

Парень прошагал до «сорокового» магазина продуктов и повернул налево, поскольку, если ноги произвольно занесли в это место, надо было поближе познакомиться с Домом Чертковых на Мясницкой улице.

Судьба здания была удивительна, и по происходившим внутри и вокруг Дома Чертковых событиям можно было поставить не один детективный фильм. Но криптографическая история, то есть намеренное замалчивание чего-то стоящего, было красной чертой Государства Российского после победы исторического материализма в первой половине двадцатого века. Бандитский принцип: «отнять и разделить» до сих пор был одним самых важных законов. Однако этот закон уже по-своему перестроился: в XXI веке уже никто из государственных воров ни с кем не делился. Многие, дорвавшиеся до власти, просто пытались урвать не договоренное и продать за границу ещё не проданное имущество бывшего сильного государства.

К чему приводит такая мышьяная возня – давно известно. Только нет пока на Руси новых Минина и Пожарского. Или нет. Возникнут они именно 22 октября 2012 года, ровно через 400 лет после того, как однажды спасли Россию от смуты. Тогда уже не надо будет нынешним предсказателям оглядываться на календарь индейцев майя и провозглашать 2012 год началом Апокалипсиса.

Дом Чертковых на Мясницкой стоял, покрытый зелёной строительной сеткой, но никаких видимых работ внутри здания и по фасаду не проводилось. Всё было в замороженном состоянии. Кто же сейчас действительный хозяин удивительного дома?

– Похоже, придётся заняться люстрированием, – пробормотал Давид.

Он ещё не знал, с каких позиций начинать люстрирование, то есть определение нынешнего «хозяина» особняка, но понял, что без этого определения дело с места не сдвинется.

Если же удастся вычислить нынешнего владельца, то будет возможно открытие новой библиотеки в одном из флигелей особняка. Недавно Давиду стало известно, что один из графов Чертковых подарил государству Российскому 55 000 уникальных книг. Все книги хранятся в подвале Дома на Мясницкой, то есть библиотека гниёт, не принося пользы подрастающему поколению.

Нынешнему смутному правительству было глубоко наплевать на какую-то там библиотеку. Если молодёжи нужно развлекаться, то пусть-де залезают в «Интернет» и смотрят порнушки до посинения или идут в Дома Молодёжи, где под глушащий сознание рок можно пропустить стаканчик-другой и подсесть на иглу, а какие-то там книги – увольте!

Но для Давида в этой ситуации было немаловажной информацией, что среди старинных рукописей, гниющих в Доме Чертковых, есть сведения о библиотеке Ивана Грозного! Сам парень небезосновательно полагал, что в ещё не потерянной библиотеке Чертковых имеются книги из исчезнувших манускриптов Ивана Грозного.

Всеми миру известно, что это не только бесценный клад, но и множество высказываний мудрецов всех стран, времён и народов. Раньше писцам удавалось зарегистрировать на пергаменте уникальные мысли не менее уникальных личностей, которые для нынешнего поколения технократов могли бы стать основанием для создания не только каких-нибудь приборов, но и наук.

Это было неудивительно. Ещё Жюль Габриель Верн определил девиз одному из своих героев: «Подвижное в подвижном». Значит, если следы не найденной царской библиотеки хранятся в подвале Дома на Мясницкой, глупо будет не постараться докопаться до них! Или хотя бы попробовать отыскать след древних манускриптов.

Тут из подворотни Дома вынырнул какой-то мужчина в чёрной форме, очень похожий на охранника. Он практически кинулся на шатающегося одинокого парня, но тот оказался не пьяным и ловко увернулся от нежелательных объятий охранника. В это время на другой стороне улицы раздался женский смех. Видимо, девчонки возвращались с вечеринки и делились впечатлениями друг с другом. Мужчина недовольно зарычал, сплюнул в сторону подгулявших девочек и, оглядев недовольным взглядом кружившего вокруг Дома молодого человека, брюзгливо спросил:

– Тебе чего здесь надо, а?

– Да ничего вообще-то, – пожал плечами Давид. – Гуляю.

– Вот и гуляй себе подальше отседова, – просипел охранник. – Ходят тут всякие... шпана недорезанная...

Давид решил посмотреть на себя со стороны: парень как парень, не пьяный, не хулиган, не пытается помочиться возле забора... Правда, джинсы рваные и футболка с непонятным рисунком... Нормальная одежда! Не на приём же! Только правило – встречают по одежде – сыграло свою историческую роль. Пора было убираться по добру, по здорову.

– Скажите, – решил успокоить охранника Давид. – А на работу к вам устроиться можно?

– На работу?! – мужик оторопело уставился на ночного гостя. – Ага! Прямо сейчас! Иди-ка лучше, не буди во мне зверя...

Охранник сверкнул на Давида оскаленной пастью и тот непроизвольно отшатнулся. Оказывается, в действительности встречаются люди с плотоядным оскалом упыря или ещё какого-нибудь inferнального чудища. Давиду до сих пор казалось, что такое можно увидеть только в плохих голливудских ужастиках, но факт был налицо. Чтобы не создавать лишней напряжённости, следовало спокойно ретироваться, а днём выбрать время, чтобы узнать хоть что-нибудь о нынешних хозяевах и можно ли хотя бы посмотреть на хранящиеся в Доме бесценные книги?

Давид хмыкнул, покачал головой для приличия и отправился вверх по Мясницкой к Чистым Прудам. Быть может, метро ещё не закрылось и, если повезёт, до дома поезд домчит за несколько минут. Ему часто приходилось пользоваться метрополитеном на грани закрытия. Сейчас циферблат часов показывал без семи минут час. Значит, до закрытия оставалось всего ничего и до Лубянки гораздо ближе, чем до Чистых прудов. Парень развернулся и вприпрыжку поспешил к ближайшей станции метрополитена.

В подземном переходе вход на станцию Лубянка был недалеко от лестницы, но стеклянные двери уже закрывали две заботливые служительницы. Давид успел протиснуться в ещё не

закрытую дверь, на всякий случай извинился перед работницами метро и помчался вниз по уже выключенному эскалатору. Внизу платформа, на удивление, была далеко не пустой.

Среди последних пассажиров-экстремалов присутствовала даже хорошенькая женщина в красивом вечернем платье из шифона и туфельках на длиннющих шпильках. Причёска у девушки тоже, вероятно, была приготовлена для какого-нибудь сейшена, но её скрывала элегантная соломенная шляпка. Причём, поля шляпки чуть прикрывали глаза девушки и чтобы посмотреть, скажем, на часы, висящие над линией метрополитена, ей приходилось чуть-чуть откидывать головку назад.

Стороннего наблюдателя это интриговало и завораживало. Остальные, ожидающие последнего поезда, особым видом или поведением похвастаться не могли. Поэтому Давид отрёпённо скользнул взглядом по троице приятелей, живо обсуждающим какие-то свои мальчишеские проблемы, по офицеру общевойсковых подразделений, одетому, несмотря на жару, в форменный плащ с погонами и по запозднившейся в гостях старушке. Естественно, взгляд парня вернулся к молодой авантажной девушке.

Она тоже посмотрела на вновь прибывшего «последнего» пассажира оценивающим взглядом. Женщины это умеют делать с особым, ни к чему не обязывающим шармом. Но девушка посчитала, что дежурный оценивающий взгляд можно и задержать на несколько секунд подольше, чем придерживаться установленного московского лимита.

Возможно, она тоже пыталась определить характер каждого из присутствующих пассажиров и сделать для себя какой-нибудь вывод. А возможно сам Давид заинтересовал девушку своей беспечной искоркой во взгляде. Женщины это чувствуют, как никто другой. Тем более, что на первый взгляд Давид выглядел довольно уравновешенным и не треплом. Во всяком случае, женщины всегда пытаются увидеть в заинтересовавшем их мужчине ту самую опору, с которой можно не только поразвлекаться, а также решить какие-то важные вопросы. Ведь женщине всегда нужна опора, чтобы чувствовать пол под ногами и не бояться за завтрашний и послезавтрашний день.

И тут либо действительно пол дрогнул от могучего магнетического вихря, либо атмосферное давление зашкалило в ту и другую сторону, только все присутствующие почувствовали свалившуюся на них мёртвую тишину. Такое можно испытать, оказавшись глубоко под землёй, когда спелеолог теряет ориентиры и мечется по замкнутому пространству. Потом останавливается, старается успокоиться и проанализировать ситуацию. Вот тут на него сваливается хищная мёртвая пещерная темнота, духота и давящая виски тишина. Фонарь, если он ещё горит, тут же гаснет, не оставляя надежд на спасение. А темнота принимается захлёстывать горло петлями паутины и завладевает всем человеческим телом, как паук, который педантично запелёнывает пойманную муху в тонкую шёлковую пелёнку.

Именно это сейчас происходило на станции метро Лубянка. Может быть, определённую роль сыграло недалёкое присутствие глубоких подвалов Лубянского саркофага времён Феликса Эдмундовича, где все каменные ступени и бетон пола насквозь пропитались реками человеческой крови? А может, именно на этом холме города находилась какая-то мощная энергетическая точка, где схлёстывались положительная и отрицательная энергия, как мускулистые струи проснувшейся реки в половодье?

Как бы то ни было, а запоздалые пассажиры прижались к мраморным бокам толстых колонн станции и со страхом ожидали чего-то непредвиденного, которое должно сей секунд грянуть, как гром поднебесья и рассыпаться тысячами шаровых молний по бетонному полу станции метро. Ближе всех к чёрному зеву туннеля находилась дежурная станция одетая в официальную форму и держащая в руках жезл с красным кружком. Она тоже не смогла вынести давящую на сознание мёртвую тишину подземелья и беспомощно опустила на край длинной скамейки. Лишь на секунду обернулась к ничего не понимающим пассажирам и прокричала:

– Путевой обходчик!..¹³

Что этой фразой хотела сказать женщина, никому было непонятно, но люди сбились в маленькую стайку, словно стадо испуганных овец, и безмолвно уставились в пещерное чрево тоннеля, откуда уже пахло пронзительным холодом вперемешку с тухлым запахом разлагающегося трупа.

Но ведь дежурная крикнула: «Путевой обходчик!». Откуда же у живого путевого обходчика может возникнуть запах разлагающейся говядины? К тому же, холод, доносившийся из тоннеля, уже осел инеем на бетонном полу и мраморных стенах станции.

Давид оказался рядом с понравившейся ему девушкой, а та, будто бы ища защиты, непроизвольно ухватила парня за руку мёртвой хваткой и не думала отпускать. Избранный в защитники ошалело взглянул на девушку и прочёл в её глазах такую мольбу о помощи, что сам ободряюще похлопал её по руке:

– Ничего не бойся. У меня найдутся силы заступиться за женщину...

– Хорошо бы, – ответила девушка.

Но больше она ничего произнести не сумела, да и не успела бы, потому что из пещерного тоннеля послышались громкие шаги, будто Каменный гость пожаловал в метрополитен и шёл за нашкодившим Дон Жуаном, чтобы забрать его на вечные муки в царство вечного холода и мрака. В следующий момент клубок темноты выплеснулся из тоннеля, будто молоко, сбежавшее из кастрюли. Сгустки мрака растеклись по рельсам и стенам, освобождая путь следующей волне мрака, выплеснувшейся из горлышка тоннеля. И только с третьей волной из пещерной темноты вынырнула фигура человека двухметрового роста.

Сам человек шагал на негнущихся ногах меж рельсами. В полусогнутой руке он держал керосиновую лампу, будто она нужна было для освещения пройденного пути. Лампа, конечно же, не горела. Но сам этот предмет в руке путевого обходчика завораживал, будто зеркальный шарик в руках гипнотизёра. Чёрный человек поражал сторонних наблюдателей не только своим появлением из ночного тоннеля и невообразимой походкой. В остальном он на первый взгляд казался обыкновенным служащим метрополитена в форме, лишь жуткий могильный холод, сопровождающий пришельца, испугал бы любого неустрашимого супергероя. Правда, худое лицо его в нескольких местах было испачкано сажей, но что только в туннеле не бывает!

Когда путевой обходчик проходил мимо дежурной, примостившейся на краю лавочки, то из её горла вырвался сдавленный крик. Вернее, женщина хотела было закричать, но кроме хрипа ничего не получилось. Тем не менее, путевой обходчик остановился, посмотрел на дежурную, и что-то тихо произнёс. Женщина сразу замолчала и неподвижно застыла на краю лавочки. Затем застывшая дежурная свалилась на пол, и по всей станции метро пронёсся глухой стук, будто не живая женщина упала на пол, а её гипсовая или мраморная статуя.

Долговязый мужчина отправился дальше. Чем ближе он подходил к сбившимся в кучку испуганным овцам, тем сильнее они прижимались друг к другу, чувствуя, что рядом с обходчиком шествует сама госпожа Смерть. Об этом говорило не только внутреннее человеческое чутьё, а всё тот же усиливающийся холод. Казалось, если долговязый задержится на станции, то всё живое обязательно обледенеет, и люди попадают на пол с таким же деревянным стуком, как дежурная метрополитена.

Давид решил посмотреть в лицо путевому обходчику. Сначала ничего, кроме пятен сажи на измождённом худом лице мужчины он не увидел. Но посмотрев ему в глаза, парень понял, что перед ним настоящий призрак! На черепе, обтянутом кожей, на месте глаз были вовсе не бездонные провалы, как любят изображать мёртвых художники. Глаза долговязого призрака были настоящими, живыми и горящими! Но горящими таким неземным огнём, что каждый, взглянув в них, мог в мгновение ока лишиться разума.

---

¹³ В Московском метрополитене неоднократно возникали подобные случаи, многие из них зарегистрированы.

Путевой обходчик остановился второй раз. До него по прямой было не больше пяти метров, но все сбившиеся в кучу пассажиры опустили головы, а знакомая незнакомка даже пыталась спрятать изящную головку на груди у своего обретенного защитника. Шляпку она давно уже потеряла, а иссиня-чёрные волосы чем-то напоминали цвет пещерной темноты, вырвавшейся из туннеля. Но о какой шляпке можно мыслить, когда рядом разгуливает отбирающая и оставляющая жизнь персона, встречи с которой так нежелательны для человека? Давид снова посмотрел в глаза незнакомцу и заметил кривую усмешку, пробежавшую тенью по тонкому провалу рта.

– Ты не боишься смотреть на меня и это хорошо! – голос путевого обходчика раздался в ушах Давида, хотя само привидение на этот раз никаких слов не говорило.

– Почему? – осмелился спросить Давид.

– Потому что тебе не раз ещё придётся заглянуть в глаза смерти. Если ты не испугался сейчас, то, возможно, не испугаешься и в грядущем.

– А нельзя ли без этого? – отважился на второй вопрос собеседник привидения.

– Не играй со Смертью, она этого не любит, – ответил путевой обходчик. – Но помни, только любовь сможет указать тебе дорогу к решению проблемы...

Сказав это, долговязый двинулся дальше. Скоро темнота и холод уплыли в другой конец туннеля, заодно унося с собой страхи, мандраж, слёзы и прочие атрибуты мистического явления.

Первым делом Давид попытался взглянуть в лицо спрятавшейся у него на груди трепещущей птичке:

– Ты ещё боишься? Успокойся. Всё прошло, всё кончилось.

– А что это было, – девушка подняла на своего защитника полные слёз глаза. – Ты знаешь?

Давид увидел в её глазах своё отражение и по спине парня пробежали холодные мурашки:

– Это ж надо!

– Что надо? – не поняла девушка.

– Да так, ничего, – отмахнулся он. – Просто показалось.

– Наверное, вы взглянули в глаза призраку и ничего не увидели кроме пламени онгона,¹⁴ – предположила девушка. – А когда посмотрели в глаза мне, то там, вероятно, светилась хоть какая-то жизнь?

– Это ж надо! – как заведённый повторил Давид. – Лучше скажи, мы опять на «вы»?

– Да нет, вроде бы, – пожала девушка плечами. – Только...

– Всё-таки «да» или «нет», или «вроде бы»? – не отставал Давид.

– Ну тебя, – рассмеялась девушка.

– Вот это уже хорошо, – отметил парень. – Возвращаемся к жизни.

Тут от лавочки, с которой свалилась на пол дежурная, раздался мужской голос:

– Эй, пойдите кто-нибудь сюда! Женщине надо помочь!

Компанию, ещё не успевших разбрестись пассажиров, звал военный. Видимо, он первый решил посмотреть, что случилось с работницей метрополитена. Подойдя к валяющейся на полу женщине, он не смог нащупать на её руке пульс, не мог даже поднять с пола и положить на лавочку не приходящую в сознание женщину. Требовалась чья-то помощь.

Давид и трое молодых людей поспешили на зов. Все вместе они сумели-таки поднять женщину и положить на лавочку. Только живой её назвать уже было нельзя. Пульс на руке не прощупывался: рука и всё тело женщины было будто отлито из гипса, только сохранившийся ещё кожный покров придавал ей вид статуи из музея восковых фигур.

– Путевой обходчик своё дело знает, – слышался скрипучий старческий голос.

---

¹⁴ Пламя онгона – адский огонь.

Мужчины оглянулись. Пока они укладывали окаменелое тело женщины на лавку, к ним успела подойти старушка. Она с любопытством рассматривала не подававшую признаков жизни дежурную метрополитена.

– Что вы имеете ввиду? – спросил её офицер.

– Что имею, то и говорю, – отрезала старушеница. – В тридцатых годах прошлого столетия строительство метро в Москве шло полным ходом. Так вот, машинист одного из поездов пожертвовал собственной жизнью ради спасения всего состава и бывших в нём пассажиров. А дежурная по станции заявила, что крушение поезда произошло по вине этого машиниста, дескать, что с мёртвого взять – ему уже всё равно. Только не учла она, установок Советского правительства. Чиновники ухватились за пустяшное бабье обвинение и не выделили семье машиниста полагающуюся в таких случаях пенсию. В результате мать и трое детей машиниста умерли голодной смертью, а самый младший затерялся в детских домах Страны Советов.

Тогда шуму много было, да что шум? Умерших уже не вернёшь... Вот и мотается душа машиниста по ночным станциям метро. А когда увидит кого-нибудь в форме работника метрополитена, то очень часто в камень превращает...

– Да что вы такое говорите? – возмутился офицер. – Такого просто не может быть!

– Эх-хо, – вздохнула старушка. – У вас, верных ленинцев, на всё один ответ – такого не может быть. Хотя это «не может быть» происходит каждый день.

– А ведь бабушка права, – негромко произнесла новая подружка Давида. – Я сама видела привидение в метро. Причём среди бела дня!

– Интересно, – откликнулся парень. – Такие же покойнички, как этот, приглашали тебя на дискотеку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.